

УДК 882.08

ЭПИТЕТ И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ИДИОСТИЛЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

С. А. Губанов

THE COGNITIVE MECHANISMS OF GENERATION OF EPITHETS
IN M. TSVETAeva's IDIOLECT

S. A. Gubanov

В статье рассматривается функционирование и механизмы образования эпитета в творчестве М. Цветаевой. Обращается внимание на когнитивный вектор переноса эпитетов и его участие в вербализации базовых для поэта концептов в ментальной сфере «человек». Доказывается, что центральным механизмом в образовании перенесенного эпитета является метонимия.

The functioning and mechanisms of generation of epithets in M. Tsvetaeva's poetry is being suggested in the article. The special attention is paid to cognitive nature of metaphorical/ figurative epithet and it's activity in verbalisation of the basic for poet concepts in the mental sphere 'man'. The central mechanism of generation of epithets is metonymy.

Ключевые слова: эпитет, М. Цветаева, метонимия, концепт, перенос признака.

Keywords: epithet, concept, M. Tsvetaeva, metaphorical/ figurative epithet, metonymy.

Среди изобразительно-выразительных и образных средств русского языка эпитет занимает далеко не последнее место. По употребительности данный троп является одним из лидеров, наряду с метафорой и метонимией. Вместе с тем внимание, которое уделяется эпитету в научной литературе, как лингвистической, так и литературоведческой, кажется нам недостаточным. Описание данного языкового феномена ограничивается его определением и иллюстрациями употребления либо постоянного эпитета, либо окказиональных определений.

На наш взгляд, выявление сущности эпитета, механизмов его порождения и функционирования, способов его бытования в художественном тексте возможно в полном объеме с опорой на рассмотрение его составе идиолекта того или иного писателя или поэта. Такого рода исследование предполагает рассмотрение следующих проблем: что такое эпитет в сравнении с другими изобразительно-выразительными и художественными средствами, с одной стороны; что есть эпитет в сравнении с логическим, обыкновенным определением, с другой стороны; каковы принципы порождения эпитета; являются ли они универсальными для эпитета или специфичны для идиолекта конкретного писателя; выдерживается ли типология эпитетов, принятая в поэтике, при рассмотрении данного феномена в творчестве конкретного писателя; существуют ли особые способы построения эпитетов, особые типы эпитетов; как на примере отдельного художественного средства можно говорить о моделировании и понимании мира художником слова.

В статье рассматриваются когнитивные механизмы образования переносного эпитета в лирике М. Цветаевой с опорой на достижения когнитивной лингвистики. Эпитет анализируется, исходя из его моделирующих возможностей, – участия в вербализации базовых художественных концептов.

В свете когнитивной парадигмы художественный концепт осмысливается как сложный знак, который выражает знания писателя о фрагменте дейст-

вительности, воплощенные в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира. Концептуальный анализ художественного текста предполагает выявление набора ключевых слов текста, определение базового концепта и описание обозначаемого им концептуального пространства [1, с. 59].

В исследовании рассмотрены основные, базовые для цветаевского творчества концепты, находящие свою вербализацию посредством эпифрастического единства, в составе которого находится метонимический эпитет. Ключевые концепты мы условно разделили на две группы: конкретные и абстрактные. Конкретные представлены следующими ментально-вербальными образованиями:

1. Концепты субсферы «человек»:

- глаза – 296 единиц;
- рука – 133 единицы;
- рот (уста) – 102 единицы;
- лоб – 21 единица;
- кровь – 13 единиц.

2. Концепты субсферы «артефакты»:

- дом – 198 единиц;
- город – 68 единиц.

3. Концепты субсферы «природа»:

- деревья – 90 единиц.

Абстрактные понятия, связанные так или иначе с внутренним человеком и его деятельностью, представлены в лирике М. Цветаевой в составе комплексов с эпитетом не так массово и богато, как конкретные сущности – части тела человека: это *душа* (97 единиц) и *любовь* (50 единиц). Другие представлено менее частотно (*печаль* 23, *тоска* 17, *сон* 15, *память* 14, *совесть* 11).

Нами выбраны базовые, частотные для творчества М. И. Цветаевой концепты, вербализованные посредством эпифразы. При этом избрана самая продуктивная ментальная сфера – «человек» в силу особого внимания, уделяемого поэтом изображению «внутреннего» и «внешнего» человека.

Ментальная модель «человек» является основной сферой бытования наиболее значимых катего-

рий для М. И. Цветаевой. Данный факт объясняется общей логикой языка, антропоцентричного по своей природе, и поэтическим миром художника слова, для которого телесное ощущение мира является одним из основных способов его интерпретации. М. П. Одинцова пишет: «Человек – это живое существо, разделённое на две в принципе отделяемые друг от друга субстанции – тело и душу, каждая из которых совмещает в себе прямо противоположные начала активности и пассивности. Человек – это наделённое разумом, волей, речью активное, т. е. действующее по своему выбору «я» и в то же время это инертная вещь – пространство,местилище разнообразных предметов, субстанций, материальных (физических) и идеальных (духовных), таких, например, как физические и духовные: мозг, сердце, кровь, нутро, грудь, ощущения, таких уникально духовных, как душа, совесть, память, ум, сознание, мысль, воображение, чувства и черты личности: любовь, мудрость, доброта, зависть, ненависть, тоска, радость и многие другие. В человеке – духовном пространстве – размещается не только всё собственное человеческое, но в пределе – вся Вселенная, всё, что входит в сознание личности в субъективных образах природы, живых и неживых предметов, микро- и макромира, космоса» [3, с. 65].

В последнее время так называемая лингвистическая антропология, изучающая различные стороны жизни человека, которые представлены в языковом коде, а также ставящая целью рассмотреть языковую картину внутреннего мира человека, приходит к выводу о том, что данная языковая картина мира может быть представлена как фрагмент наивной анатомии и физиологии, как система внешних симптомов внутренних состояний, как некий универсум–микрокосм и как «образная грамматика инно-сознания» [4, 3].

Наивная анатомия и физиология внутреннего человека исходит из универсального принципа, постулируемого когнитивной лингвистикой, который гласит о том, что в основе языка лежит телесный опыт человека. Таким образом, внутренняя сфера жизни человека строится по модели внешнего человека. Многие концепты психики человека находят свою языковую репрезентацию в выражениях, характеризующих внешнюю представленность человека (сердце кровью обливается). Исследователи склонны видеть проявление характерной черты архаического языкового сознания, «для которого естественно описание абстрактных способностей человека, его поступков через название органов, обеспечивающих эти способности», «поэтому утрата или отсутствие органа может квалифицироваться в языке как утрата или отсутствие закреплённых за ним функций человека: потерять голову, обезуметь...» [4, с. 23]. Выделяют органы душевной жизни человека с опорой на предложенный Е. В. Урысон перечень приписываемых им признаков, типичных для физических органов: закреплённость за определённой функцией, способность испытывать физические ощущения, возможность мыслиться какместилище, компактность, локализация, функционирование независимо от воли субъекта, контролируемость

субъектом [5]. Устройство внутреннего человека включает душу, дух, сердце, ум, рассудок, разум (описаны Марченко), память, совесть, воображение, фантазию, волю, способности, чувства [5], печень, грудь (=сердце) (см. работы Д. Н. Шмелёва). Как показала Е. В. Урысон, наиболее сходна с материальными органами душа: она обладает всеми признаками физического органа. Необходимо подчеркнуть квалификацию души, ума, духа и других подобных концептов в качестве квазиорганов. Тем не менее, данные «органоиды», «как бы органы» весьма часто и регулярно переносят на себя функции других органов, тесно связанных с ними (ум – мозг, мышление) или метонимически им уподобленных (душа – сердце, ум (*разумная душа*)).

Внутренний человек представлен в языке не просто как набор органов, но и как сложная система, целостный организм. Все составляющие его части обеспечивают нормальную жизнь благодаря согласованной работе всех систем организма.

Симптоматика внутреннего человека, внешние проявления внутренних процессов, и в первую очередь процессов эмоционально–психологических, описана многими лингвистами [6, 7], но когнитивных исследований данной субсферы пока не имеется. Знаками внутреннего человека называют предикаты разной частеречной принадлежности, объединённые общим корнем вид-, номинации отдельных деталей внешнего облика человека (глаза, рот, лицо, походка, речь). Данные концепты сочетаются с оценочными эпитетами типа «умные глаза», «угрюмое лицо», «добродушное лицо» и т. д. Как показала Л. Б. Никитина, объектами непрямых характеристик интеллектуальной деятельности человека могут служить номинации результатов деятельности (*умная работа*) и развёрнутые описания поступков, действий, которые «оцениваются носителями языка в связи с интеллектуальной ипостасью и её активным, определяющим влиянием» [8, с. 131].

Микрокосм внутреннего человека включает в себя все основные объекты живой и неживой природы: стихии (*в пылу страсти*), растения (*расцветающая любовь*), животных (*совесть гложет*), человека (*воспитание чувств*) и т. д.

В антропологии внутреннего человека базовым следует признать принцип единства (а потому, возможность установления метафорических и метонимических подобий) внешнего и внутреннего аспектов человека.

Внешняя выраженность внутреннего состояния человека наиболее ярко репрезентируется в адъективных моделях, которые ориентированы на передачу сообщения о состоянии субъекта, которое выражается в его внешнем облике. Это проявляется в порционной позиции прилагательного, которая переводит признак в позицию предиката (*он задумчив*).

Остановимся на вербализации основных для творчества М. Цветаевой концептов ментальной сферы «человек» посредством эпифразы. Таковых концептов три: *глаза*, *рука* и *рот*.

1. Концепт *глаза* посредством употребления метонимического эпитета дает полное представление о человеке и его эмоциях.

Ему в *задумчивые* глазки // Взглянула ... [9, т. 1, с. 24]; *Памятливыми* глазами // Впилась – народ замер [9, т. 1, с. 226]; У мамы сегодня *печальные* глазки [9, т. 1, с. 103]; Глазами, *не зная желаящими* ... [9, т. 2, с. 225]; И обо всех – в аллеях и гостиных // *Вас жаждущих* глазах [9, т. 1, с. 186]; И глаза твои, *грустные*, те же [9, т. 1, с. 72]; ... что этих слишком *гневных* глаз // Не вынося, боялись люди [9, т. 1, с. 71]; Братец в радушии трет // *Сонные* глазки ручонкой [9, т. 1, с. 47].

Неразгаданный взгляд... [9, т. 1, с. 132]; И синий взгляд, *пронзительен и робок* [9, т. 1, с. 313]; *Юный* ли взгляд мой тяжел? [9, т. 1, с. 252]; Не тот же *бесстрастный, оценивающий, любопытствующий* взгляд [9, т. 4, с. 62]; Не правда ли? – // *Льнущий, мнущий* // Взгляд [9, т. 3, с. 39]; Взор твой *черней*, взор твой *зоркий* [9, т. 3, с. 344]; *Скрытные* твои ресницы... [9, т. 3, с. 192]; На завитки ресниц // *Невинных и наглых*... Загляделся один человек ... [9, т. 1, с. 319].

Как показал анализ, большая часть эпитетов, зафиксированных в контексте указанных субстантивов, репрезентантов концепта «глаза», представляют собой результат переноса качеств с человека на его глаза, части глаз (*веки, зрачок, ресницы, завитки ресниц, веки*), их состояние (*взор, взгляд, слезы*).

Наиболее частотны в контексте названных существительных следующие эпитеты:

- печальный, грустный (98 единиц);
- задумчивый (36 единиц);
- юный (21 единица).

Преобладание эпитетов *печальный, грустный* свидетельствует о том, что для поэта важно эмоциональное состояние субъекта; в лексемах, воплощающих концепт *глаза*, актуализируется значение «*глаза - зеркало души*». Не менее важной характеристикой субъекта является и мыслительная, сопряженная с внутренними переживаниями и потому не выступающая в чистом виде (*задумчивый*). Сема наивности, чистоты вербализируется в определении *юный*.

Экспансия определения на смежные реалии в поэзии М. Цветаевой реализуется тотально, массово в сравнении с обычной нехудожественной речью. Это объясняется необычайной свободой в переносе признаков, отсутствием скованности нормами сочетаемости определений с определяемым словом. К примеру, выражение *памятливые глаза* явно окказионально, но вполне закономерно в рамках описываемой нами тенденции. Поэту важно увидеть в глазах любимого человека прошлое; с другой стороны, возможна интерпретация данного выражения и как *глаза, способные многое помнить*. Таким образом, выражение вызывает целый шлейф ассоциаций и возможных толкований.

В таких словосочетаниях эпитет выступает в метонимическом значении «такой, который выражает данное свойство/состояние человека». Значение эпитета можно трактовать двояко: «такой, который выражает данное свойство/состояние человека» и как «такой, который сочетается/выступает совместно с данным состоянием человека» (*невинные и наглые глаза*).

Набор определений во всех микроконцептах, воплощающих концепт *глаза* (глаза, взгляд, ресницы и др.), одинаков, что говорит о единой тенденции переноса определения – процесса наделения основными, ключевыми качествами человека не только концепта *глаза*, но и его частей, проявлений, продуктов деятельности (слезы).

2. Концепт *рука*.

Безумные руки тянешь, и снегом – конь [9, т. 3, с. 20]; ... *Рукой заспанной* ресницы трет, // Теперь правому плечу – черед [9, т. 3, с. 243]; Сам *нежные* руки целует себе [9, т. 3, с. 237]; *Смелыми* руками – вдоль перил витых [9, т. 3, с. 227]; А рука-то занемалая, // А рука-то *сонная*... [9, т. 2, с. 215]; *Ревнивая* длань – твой праздник [9, т. 3, с. 21]; Длинной рукой *незрячей*, // Глядя раскиданный стан... [9, т. 1, с. 358]; Руки ... *старческие, не знающие стыда* [9, т. 2, с. 147]; И движенья рук *невинных* – // слишком *злы* [9, т. 1, с. 421]; Пальцы в *жгут*... [9, т. 2, с. 180]; В чьем *опьяненном* объятьи // Ты обрела забытье [9, т. 1, с. 142]; Ломал ли в пьяном кулаке // Мои *пронзительные* пальцы [9, т. 1, с. 328].

В концепте *рука* подчеркивается ее деятельная природа, активность; отсюда частотность эпитетов *смелый, безумный*.

Вновь отметим тенденцию к выделению интересующего поэта признака с помощью метонимического конструирования эпитета. В выражении *рукою робкой надавливать звонок* подчеркивается ощущение (робость) при совершении действия, которое, в свою очередь, переносится на орудие действия – руку.

3. Концепт *рот*.

Только и *памятлив*, что на песни // Рот твой улыбочивый [9, т. 1, с. 277]; И целует, целует мой рот *поющий* [9, т. 1, с. 326]; Запечатленный, как рот оракула - // Рот твой, *задавший* многим [9, т. 2, с. 240]; Та гора хотела губ *девственных* [9, т. 3, с. 24]; От дум, что вовеки не скажешь словами, // Печально дрожали *капризные* губки [9, т. 1, с. 55]; Встречались ли в поцелуе // их *жалобные* уста [9, т. 1, с. 358]; Без конца к *утомленным* губам возвращалась улыбка [9, т. 1, с. 132]; ... Не надует *гордых* губ [9, т. 1, с. 117]; Не губы, *жмурились* жадно // К руке чужой ... (о прибое) [9, т. 2, с. 117]; *Печальные* губы мы помним... [9, т. 1, с. 101].

Рассматриваемый концепт важен для поэта в силу функциональности человеческого органа, рта – с его помощью можно говорить, петь и т. д.

Все три базовых концепта располагают сходным набором определений, которые сочетаются с их именами, в лирике М. Цветаевой. Данный факт говорит о том, что при глобальном рассмотрении векторов переноса эпитета можно увидеть когнитивные основания метонимических определений: с человека как целого происходит перенос на его часть (орган) принципиально любого психического свойства или состояния.

Литература

1. Болдырев, Н. Н. Когнитивная лингвистика / Н. Н. Болдырев. – М., 2002.

2. Бабенко, Л. Б. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Б. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М.: Флинта, Наука, 2006.
3. Одинцова, М. П. Языковые образы «внутреннего человека» / М. П. Одинцова // Язык. Человек. Картина мира: лингвоантропологический философский очерк (на материале русского языка). Ч. 1 / под ред. М. П. Одинцовой. – Омск, 2000. – С. 11 – 28.
4. Коськина, Е. В. Внутренний человек в русской языковой картине мира: образно-ассоциативный и прагмалингвистический потенциал семантических категорий «пространство», «субъект», «объект», «инструмент» / Е. В. Коськина: дис. ...канд. филол. наук. – Омск, 2004. – 190 с.
5. Урысон, Е. В. Языковая картина мира обиходные представления (модель восприятия в русском языке) / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3 – 22.
6. Апресян, В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27 – 35.
7. Вольф, Е. М. Прилагательное в тексте / Е. М. Вольф // Вопросы литературы. – 1985. – № 2. – С. 32 – 61.
8. Никитина, Л. Б. Образ homo sapiens в русской языковой картине мира / Л. Б. Никитина – Омск, 2003. – 267 с.
9. Цветаева, М. И. Собрание сочинений: в 7 т. / М. И. Цветаева / Сост., подгот. текста и коммент. А. А. Саакянц и Л. А. Мнухина. – М.: Эллис-Лак, 1994.